

VELIMIR KHLEBNIKOV

1922–2022

One Hundred Years of a Myth

edited by

Luca Cortesi

Gabriella Elina Imposti

University of Bologna
Department of Modern Languages,
Literatures, and Cultures – LILEC

Bologna

2024

Velimir Khlebnikov 1922-2022. One Hundred Years of a Myth

edited by Luca Cortesi and Gabriella Elina Imposti

Велимир Хлебников 1922-2022. Сто лет мифа

под ред. Л. Кортези, Г.Э. Импости

Scientific Committee & Editorial Board

Luca Cortesi, Gabriella Elina Imposti

Copyediting

Luca Cortesi, Gabriella Elina Imposti

Layout editing

Luca Cortesi

Proofreading

Jeremy Barnard

Front-cover: Stepan Botiev, *Zvezdnaya noch'*, courtesy of the author.

This volume is published online in Open Access

on the platform AMS ACTA by AlmaDL

University of Bologna Digital Library

© 2024 Authors

University of Bologna, Department of Modern Languages, Literatures, and Cultures – LILEC

ISBN 9788854971820

DOI [10.6092/unibo/amsacta/8072](https://doi.org/10.6092/unibo/amsacta/8072)

CC BY NC 4.0

<<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>>

TAURI

TRADUZIONE, AUTOTRADUZIONE
E RITRADUZIONE LETTERARIA

<<https://site.unibo.it/tauri/it>>

ALMA MATER STUDIORUM
UNIVERSITÀ DI BOLOGNA
DIPARTIMENTO DI LINGUE, LETTERATURE
E CULTURE MODERNE

<<https://lingue.unibo.it/it>>

Table of Contents

LUCA CORTESI, <i>Velimir Khlebnikov 1922-2022. One Hundred Years of a Myth</i>	1
<i>The Myth of Khlebnikov in the Artists' Eyes</i>	
ВЕРА МИТУРИЧ-ХЛЕБНИКОВА, <i>Бобэоби, бобетэо</i>	10
СТЕПАН БОТИЕВ, <i>Записи художника. 1911 год</i>	20
<i>Shaping the Myth</i>	
GABRIELLA ELINA IMPOSTI, <i>Notes on the Beginning of the Myth of Khlebnikov in Italy</i>	27
СЕРГЕЙ БИРЮКОВ, <i>Живое наследие Хлебникова</i>	48
ОЛЬГА ЕГОРОВА, <i>Хлебниковедение: размышления об истории и о будущем в год 100-летия бессмертия поэта</i>	71
ОЛЬГА КУЗОВЛЕВА, <i>Письма А. Е. Парниса к Н. С. Травушкину. 1970–1984 гг.</i>	90
<i>Velimir Khlebnikov. Life, Work, Relevance and Interpretation</i>	
ALEKSANDR PARNIS, <i>Khlebnikov: the 1908 Sudak Encounters. Meeting Vyacheslav Ivanov: the Beginning of a Dialogue</i>	112
ВЕРА ТЕРЁХИНА, <i>Велимир Хлебников и Пушкин-будетлянин</i>	135
АНДРЕЙ РОССОМАХИН, <i>Леонардо и Велимир: ренессансный творец как «художник-для-производителя». Предварительные наблюдения</i>	147
OL'GA SOKOLOVA, <i>Experiments with Universal Language from the 1910s to the 1930s: Velimir Khlebnikov, the Gordin Brothers, and the “Kosmoglot” Society</i>	163
ГУИДО КАРПИ, <i>Как сделана заумь Хлебникова</i>	185
ЕЛЕНА ПЕТРУШАНСКАЯ, <i>От идей мирового радио у Хлебникова — в будущее</i>	196
ЛУКА КОРТЕЗИ, <i>Античность в авангарде: о диалогах Велимира Хлебникова</i>	225
RONALD VROON, <i>Khlebnikov and Whitman. A Reappraisal</i>	243

Вера Терехина

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ И ПУШКИН-БУДЕТЛЯНИН

Abstract. This paper deals with the role of Khlebnikov in the recognition of tradition and Pushkin's literary canon for the development Russian Futurist theories and practices. The Futurians, as Khlebnikov called the Cubo-Futurists, were in constant dialogue with Pushkin with an outwardly negative attitude ("to throw Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky off the Ship of Modernity..."). The conflict between the sharp rejection of tradition and its forced recognition was resolved by reformatting traditional ideas about classical poetry. The Futurists saw in Pushkin the traits of rebellion; denial of norms and rules, as well as social otherness, likened him to the Futurians.

Keywords. Khlebnikov, Pushkin, Mayakovsky, tradition, Russian Futurism, Futurians.

Аннотация. В статье рассматривается роль Хлебникова в признании традиции и Пушкинского литературного канона для становления теории и практики русского футуризма. При внешне негативном отношении («бросить Пушкина, Толстого, Достоевского с Парохода современности...») бюджетляне, как называл кубофутуристов Хлебников, находились в постоянном диалоге с Пушкиным. Конфликт между резким отрицанием традиции и ее вынужденным признанием решался путем переформатирования традиционных представлений о классической поэзии. Футуристы выявляли и утверждали в Пушкине черты бунтарства, отрицания норм и правил, социальную инаковость, уподобляли бюджетлянам.

Ключевые слова. Хлебников, Пушкин, Маяковский, традиция, русский футуризм, бюджетляне.

Тема «Хлебников и Пушкин» весьма обширна и не раз становилась предметом исследования. Нас интересует особая роль Хлебникова в формировании пушкинской традиции и литературного канона в группе кубофутуристов. Как известно, Хлебников вместе с Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским участвовал в создании коллективного манифеста в альманахе *Пощечина общественному вкусу* (1912), где прозвучал призыв «бросить Пушкина, Толстого, Достоевского с Парохода современности...». Однако спустя всего три месяца в одноименной листовке, выпущенной в феврале 1913 г., Хлебников был выдвинут на роль «гения — великого поэта современности <...> того, кто нес собой *Возрождение Русской Литературы*» ([Русский футуризм](#): 42).

Критики убеждали себя и публику в том, что ни о каком новаторстве и гениальности не может быть и речи, что это реклама, без которой не обходится никто, самоутверждаясь в литературе. Кубофутуристам потребовалось предъявить свои достижения в предисловии ко второму сборнику *Садок судей* (1913), отнеся выход первого *Садка судей* (1910) при участии Хлебникова к 1908 году.

Противостоя защитникам неприкосновенной классики, кубофутуристы заявляли:

Им ли, воспитанным со школьной скамьи на образцах Описательной поэзии, понять Великие откровения Современности. Все эти бесчисленные сюсюкающие Измайловы, *Nomunculus*'ы, питающиеся обедками, падающими со столов реализма — разгула Андреевых, Блоков, Сологубов, Волошиных и им подобных утверждают (какое грязное обвинение), что мы «декаденты» — последние из них — и что мы не сказали ничего нового — ни в размере, ни в рифме, ни в отношении к слову ([Русский футуризм](#): 43).

Именно в это время встал вопрос о самоидентификации группы: являются ли они «последними из декадентов» или провозвестниками «нового искусства»? Этим спорам были посвящены многочисленные диспуты, но системное изложение позиции кубофутуристов дошло до нас в тезисах афиши публичной лекции Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников» (3 ноября 1913, СПб.). Тогда в сопоставление поэтов мало кто верил, газеты откликнулись фельетонами и карикатурами. Лекция состояла из двух частей. В первой части, названной «Позорный столб российской критики», в спорах с «господами Чуковскими» Д. Бурлюк утверждал право футуристов на наследство Пушкина — «символа XIX века». С этим связан «вопрос о традиции, преемственности. Разрешение его, — утверждал Д. Бурлюк, — есть решение вопроса о праве на существование Нового искусства». Во второй части лекции речь шла о роли Хлебникова — разрушителя прошлого и Хлебникова — созидателя нового отношения к слову и идее, основанного на Пушкинской традиции.

Среди современников будетлян были те, кто за броской фразой манифеста из *Пощечины общественному вкусу* сумел увидеть не забаву, а подлинную проблему литературной традиции и ее обновления. А. Блок в записной книжке 10 декабря 1913 г. размышлял, вероятно, по следам нашумевшей лекции Д. Бурлюка:

Когда я говорю со своим братом-художником, то мы оба отлично знаем, что Пушкин и Толстой — не боги. Футуристы говорят об этом с теми, для кого втайне и без того Пушкин — хам («аристократ» или «буржуа»). Вот в чем лезть и, следовательно, ложь ([Блок 1965](#): 198).

Через месяц, 9 января 1914 г. А. Блок возвращается к теме «Пушкин и футуристы»:

А что если так: Пушкина научили *любить* опять *по-новому* — вовсе не Брюсов, Щеголев, Морозов и т.д., а... *футуристы*. Они его бранят, по-новому, а он становится ближе по-новому.<...> Брань во имя нового совсем не то, что брань во имя старого, хотя бы новое было неизвестным (да ведь оно всегда таково), а старое — великим и известным. Уже потому, что бранить во имя нового — *труднее и ответственнее* (Блок 1965: 198).

Со словами А. Блока перекликается запись Хлебникова в альбоме Л. Жевержеева 26 октября 1915 г.:

Будетлянин — это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия, учащий праву столетия смеяться над Пушкиным 19 века. Бросал Пушкина «с парохода современности» Пушкин же, но за маской нового столетия. И защищал <мертвого> Пушкина в 1913 году Дантес, убивший Пушкина в 18XX году <...>. Убийца живого Пушкина, обагривший его кровью зимний снег, лицемерно оделся маской защиты его <трупа> слова, чтобы повторить отвлеченный выстрел по восходу табуна молодых Пушкиных нового столетия (Лившиц 1989: 643).

Здесь речь идет уже об идентификации Пушкина и «молодых Пушкиных нового столетия» как общности. Проведем нехитрую логическую операцию: Будетлянин — это Пушкин, следовательно, Пушкин — Будетлянин.

Стремление увидеть Пушкина своим современником было свойственно не только футуристам — это один из знаков принадлежности к неофициальной культуре. Р. Якобсон вспоминал, что на выставке «Союза молодежи» в Петербурге

оказался рядом с художниками: там «был Школьник, была Розанова, была и Богуславская... Кто-то сказал: «А интересно, с кем был бы теперь Пушкин, если бы он был жив?» Богуславская отвечала уверенным, задорным голосом: «С нами, конечно!» ([Янгфельдт 2012](#): 30).

Недаром само название альманаха *Пощечина общественному вкусу* восходит, по наблюдению Р. Дуганова, к пощечине, данной Русланом богатырской Голове с тем, чтобы завладеть былинным мечом, стать его наследником и подлинным защитником ([Дуганов 1990](#): 25).

Хлебников, как мы видели, признавал Пушкина предком футуристов-будетлян, не раз обращался к пушкинской традиции. Рассмотрим его «канонический список», данный в миниатюре:

О, достоевскиймо бегущей тучи!
О, пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня ([СС I](#): 400)

Здесь явственно сопоставлен вечный природный суточный цикл и столь же завершённый цикл литературный: Достоевский — хмурое утро; Пушкин — «златополдень» русской поэзии; Тютчев — благая ночь. О полноте характеристик можно спорить, но их афористичность завораживает!

Пушки-ноты — кроме того, содержат и обертоны известного фразеологизма — «писать как по нотам», а именно писать как по нотам Пушкина, продолжая традицию, создавая по его стихам — свои «пушкиноты».

С другой стороны, Хлебников превыше всего ценил свою самость, звания Короля времени, Председателя Земного шара.

Вспомним один из многих афоризмов: «Россия, будь мной, будь Хлебниковым». Прорываясь сквозь «Пушкинские плотины и сваи Толстого» (СС VI.1: 204), сквозь их авторитеты, он вёл незримую «дуэль» в течение всей своей недолгой жизни (как и Пушкин, он прожил 37 лет). Написав поэму «Поэт» — «лучшую», по его признанию, — он, по свидетельству современника, сказал: «Здесь я показал, что умею писать как Пушкин» (Городецкий 1922: 148). И лишь за три месяца до смерти, на полях рукописи поэмы «Синие оковы» он записал: «А ведь арапа я перецарапаю» (Мамаев 2022: 32). Вглядимся в это слово: перецарап-арап-аю. В нем отражение двойственного отношения к Пушкину. «Перецарапаю арапа» означало прежде всего — стану сильнее его, переборю, но и «выцарапаю из себя», не поддамся его влиянию.

В том же аспекте А. Мамаев трактует декларацию *Памятники*: Хлебников предлагает поставить памятник «русскому языку в виде мирно сидящих орла и соловья, и лебедя внизу, на престоле из мраморных изваяний книг Пушкина, Льва Толстого» (СС VI.1: 210).

Кто же здесь орёл, кто соловей и кто лебедь? Хлебников об этом умалчивает, но нам известно его изречение: «нежногорлый, соловьиный Пушкин». Орел — Толстой, Лебедь («Ляля на лебеде») — Хлебников.

О постоянном интересе к Пушкину говорит лист из его рукописи 1921 года, где слова и фразы складываются в рисунок, воспроизводящий облик Пушкина-лицеиста.

Беря Пушкина за образец, соперничая с ним, Хлебников искал возможность выявить свой потенциал. Татьяна Вечорка вспоминала:

Однажды Хлебников застал моего мужа за чтением стихов Пушкина. Хлебников оживился и стал говорить,

что в наше время так уже нельзя писать — язык стал иной. Он стал переписывать, тут же варьируя отдельные слова и выражения, заменяя одни слова другими. Этим он занимался долго, потом спрашивал — как лучше? С тех пор они с мужем полюбили эту игру ([Толстая-Вечорка 1996](#): 35-36).

Эта «игра» была проявлением все той же нетерпеливой жажды воспользоваться наследием Пушкина для создания новой поэзии, присвоить его опыт, ставший хрестоматийной нормой, и создать свою традицию.

Не все признавали плодотворность Пушкинской традиции, склоняясь к поиску в области алогизмов и заумной поэзии. Как писал К. Малевич,

Слово «как таковое» должно быть перевоплощено «во что-то», но это остается *темным*, и благодаря этому многие из поэтов, объявивших войну мысли, логике, принуждены были завязнуть в мясе старой поэзии (Маяковский, Бурлюк, Северянин, Каменский). Крученных пока еще ведет борьбу с этим мясом, не давая останавливаться ногам на одном месте, но «во что» висит над ним. Не найдя «во что», вынужден будет всосаться в то же мясо ([Малевич 2004](#) I: 88)

Завязнуть в мясе старой поэзии означало согласиться с ее существом, воспользоваться ею, присвоить себе традицию, очистив ее от «хрестоматийного глянца». Хлебников стремился не только не завязнуть в «мясе старой поэзии», но «*перецарапать*» — превзойти арапа-Пушкина в своем обновлении поэтического языка.

Другим способом приблизить традицию, найти в ней оправдание своих действий служило, как было показано выше,

преображение Пушкина в футуриста-будетлянина, введение его в современную литературную жизнь.

Борьба за обладание пушкинским статусом с особой остротой развернулась в 1920-е годы. Свои права на наследие Пушкина заявляли разные поэтические группы — от неоклассиков до ничевоков. Об этом пишет О. Брик:

Слишком часто в истории человечества видели мы, как суетливая мода выдвигала новенькое, стремившееся как можно скорее превратить старое в руину <...> Футуристы завещали Лефу глубочайшее почтение к прошлому как к прошлому и непримиримую ненависть к этому же прошлому, когда оно пытается стать настоящим ([Брик 1927](#): 51-52).

Несомненно, слова о «ненависти к прошлому», восходят к манифесту из *Пощечины общественному вкусу*, где утверждались права поэтов на «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку». В журнале «Новый Леф» эта практика нередко приводила к активному сопротивлению «воинствующему пассаизму»:

Воинствующий пассаист под предлогом учебы тянет на кладбища к могилам классиков, забывая, что сегодня Пушкину уже 129 лет от роду и он нестерпимо беззуб, а в то же время пассаист умалчивает всячески, что Пушкин в свои дни был одним из самых ярых футуристов, деканонизатором, осквернителем могил и грубияном ([Третьяков 1928](#): 1).

Фактически это программный тезис из лекции Давида Бурлюка (1913) и записи Велимира Хлебникова в альбоме Жевержеева (1915). Это утверждение вновь оживает в

поросли Будетлян оказалось значительным достижением Хлебниковской мысли. Оно преодолело десятилетия катастрофических событий, военных и революционных перемен и создало новую историческую перспективу. В ней утверждается каноничность традиции Пушкина для новых поколений, актуальная и в наши дни. Об этом пишет Сергей Бирюков:

Пора признать, что в русской авторской поэзии, по крайней мере трех предыдущих веков, существует определенная иерархия. Так, ведущий поэт XVIII века — Михаил Ломоносов, XIX века — Александр Пушкин и XX века — Велимир Хлебников. Если мы займемся вычислениями в духе Хлебникова, то увидим, что Пушкин родился через 88 лет после Ломоносова, а Хлебников родился через 86 лет после Пушкина! Понятно, что речь идет о фундаментальных поэтах, совершивших три реформы поэзии в России. Разумеется, они сделали это не на пустом месте, а в поэтически насыщенном пространстве, как синхронном, так и диахронном. Хлебникову выпало вершить третью реформу русской поэзии в самом широком смысле слова и понятия ([Бирюков 2022](#): 1).

Список литературы

- СС Хлебников В. Собрание сочинений в шести томах. Под общей редакцией Р.В. Дуганова / Сост. Е.Р. Арензон и Р.В. Дуганов. М.: ИМЛИ РАН. 2000-2006.
- Блок 1965 Блок А. Записные книжки. 1901-1920. М.: Изд-во Художественной литературы. 1965.
- Бирюков 2022 Бирюков С. Интервью. Независимая газета. 29.06.2022. Ex libris. С.1.
- Брик 1927 Брик О. Мы — футуристы //Новый Леф. 1927. № 8-9. С.49-62.
- Городецкий 1922 Городецкий С. Велемир Хлебников (28 октября 1885-28 июня 1922) // Мир Велимира Хлебникова. Статьи исследования 1911-1998. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 147-150.
- Дуганов 1990 Дуганов Р. Велемир Хлебников природа творчества. М.: Советский писатель. 1990.
- Лившиц 1989 Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель. 1989.
- Малевич 2004 Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика В 2 т. / Сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М.: РА. 2004.
- Мамаев 2022 Мамаев А. Образы зверей и растений в творчестве Велимира Хлебникова (наблюдения, заметки)» (отрывок из книги) // Русская словесность. 2022. № 6. С. 29-33.
- ПСП Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. Т. 2: Стихотворения, 1924–1926 / подгот. А.А. Козловский, отв. ред. В.Н. Терехина. М.: Наука, 2014.
- Русский футуризм Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / Сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие. 1999.

- Толстая-Вечорка 1996 Толстая-Вечорка Т. Воспоминания о Хлебникове // Арион. 1996. №2. С. 35-36.
- Третьяков 1928 Третьяков С. С Новым годом! С «Новым Лефом!» // Новый Леф. 1928. №1. С.1-3.
- Янгфельдт 2012 Роман Якобсон. Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост. Б. Янгфельдт. М.: Гилея. 2012.